

РЕТВИЗАНЬ. (Разсказъ матроса Ситникова.)

И еще былъ у насъ отбитый у шведовъ корабль, Ретвизанъ: онъ взяты славнымъ образомъ на погонѣ нашимъ фрегатомъ Венусомъ, въ 1790 году, капитаномъ — котораго всѣ мы еще знали адмираломъ — Крономъ. Этотъ Ретвизанъ, какъ упрямый шведъ, также было чуть не отбился отъ рукъ нашихъ, но покорился; объ этомъ матросъ Ситниковъ, бывшій въ 1799 году на Ретвизанѣ, довольно толково разсказывалъ такъ:

Командиромъ былъ у насъ А. С. Грейгъ, сынъ знаменитаго адмирала, и самъ послѣ адмираль. И офицеры Ретвизана всѣ почти были извѣстны всему флоту: М. Т. Быченскій, С. И. Миницкій, Н. А. Хвостовъ, ходившій вокругъ свѣта и послѣ пропавшій безъ вѣсти, съ товарищемъ своимъ Давыдовымъ....

Славное это было время. Русская эскадра подъ адмираломъ Макаровыимъ была послана въ товарищи англійской, къ

адмиралу Дункену; хоть и нельзя сказать, чтобы мы много надѣлали дѣла — потому что большихъ сраженій не было — да за то ни въ чемъ не ударили лицомъ въ грязь: и дружно жили съ англичанами, какъ офицеры, такъ и наша братья, да и ни въ чемъ не отставали отъ первыхъ въ свѣтѣ моряковъ, отъ англичанъ. Это можно молвить безъ похвалы. Бывало отъ брамсельныхъ и до послѣдняго трюмнаго, всѣ взапуски рвались, чтобы ни въ чемъ не отстать отъ англичанъ — и развѣ что только одинъ разокъ удастся имъ въ какомъ нибудь пріемѣ перещеголять нась, а на второй и третій разъ — смотришь, ужъ они сами только держись, чтобы не отстать!

Бывало не только господа офицеры, гдѣ ни сойдутся, толкуютъ все о своемъ дѣлѣ: кто чище сталъ на якорь, отдавъ разомъ всѣ фалы и шкоты и осаживая гитовы, — кто кого чѣмъ перещеголяль, кто изподъ—кого вышелъ на вѣтеръ при лавировкѣ, — а и наша братья одно это во снѣ видѣла, да за трубкой ли вокругъ кадки, за чаркой ли на берегу, — все обѣ одномъ этомъ рѣчь вела,

да отбирая расторопныхъ отъ вислоухихъ, съ первыми только зналась и водилась.

Бывало, приходитъ весна, солнышко начинаетъ грѣть, начинаютъ поговаривать о вооруженіи флота — и спиши и видиши, и ждешь не дождешься первой вешней дудки въ гавани, словно первого жаворонка! И душу радуетъ, и сердце веселитъ, словно что родное!

Англійская эскадра высадила войска на голландскій берегъ, гдѣ у мыса Гельдера стояло 8 голландскихъ кораблей, 3 фрегата и шлюпъ. Англійскій адмираль Дункенъ отдѣлилъ отъ себя 8 кораблей, да еще два нашихъ, чтобы взять эту эскадру. Отъ насъ пошли Ретвизанъ и Мстиславъ, подъ командой А. С. Грейга и А. В. Моллера.

Снялись со свѣтомъ 19—го августа и пошли. Но голландцы въ проходѣ къ острову Текселю сняли всѣ баканы и нась вели кой-какіе лоцмана. Путь былъ опасный. Впереди шель англійскій корабль Глатонъ. Забуровивъ на одномъ поворотѣ фарватера, онъ прошелъ — но второй за нимъ, нашъ Ретвизанъ, сидѣвшій поглубже

его, съль. Кто успѣль, изъ заднихъ, остерегся: но за всѣмъ тѣмъ еще два англичанина сѣли подлѣ насъ.

Я стояль въ это время на рулѣ, командиръ и всѣ офицеры были на верху, готовясь къ сраженію; шли мы полнымъ вѣтромъ. Только что Ретвизанъ дрогнулъ, какъ командръ закричалъ: руль на бортъ, — но корабль уже ударился въ другой разъ и стала плотно.

Вода шла на прибыль; живо закрѣпили паруса, завезли верпъ и подняли сигналъ. Лоцманъ стояль чуть живой. Два англійскихъ шлюпа подошли на помощь нашу, но какъ въ это время у нихъ стала за нами на мель корабль Америка, то одинъ шлюпъ пошелъ къ нему, другой бросиль якорь и принялъ съ Ретвизана два кабельтова, которые взяли на шпили — одинъ у насъ, другой у нихъ. Корабль стала было подаваться, но какъ съ тѣмъ вмѣстѣ и самый шлюпъ по немногу тащило къ намъ, то онъ побоялся, чтобы не свалиться; а какъ имъ притомъ показалось, что корабль сошелъ съ мели, то на шлюпѣ

вдругъ отдали кабельтовъ — корабль опять сталъ. Былъ уже вечеръ, вода пошла наубыль и покуда справились, нельзя было никакими силами его тронуть. Рѣшились ждать прилива.

Всѣ корабли проходяте мимо насъ — въ томъ числѣ и Мстиславъ спѣшилъ въ дѣло, а мы словно посажены на—цѣпь. Такая кручина взяла, что хоть бы головою въ бортъ ударился. Одно намъ оставалось утѣшеніе смотрѣть на товарищѣй своихъ по бѣдѣ, на англійскій корабль и фрегатъ; хоть упрекать не станутъ!

Но за ночью вся эскадра стала на якорь. Мы между тѣмъ, встрѣчая отливъ, поставили стрѣлы, опуская ихъ съ привязанными къ одному концу баластинами и снайтовливая другіе концы, поперегъ судна, черезъ порты. Такъостояли мы, при свѣжемъ вѣтрѣ и волненіи, всю ночь и еще за полдень; пришелъ приливъ и мы стали вытягивать всѣми силами завозъ. Команда рвалась и протащивъ корабль цѣлый кабельтовъ по илу и песку, выбилась изъ силъ. Опять

вечеръ наставалъ, вѣтеръ крѣпчалъ, корабль начинало сильно бить обо—дно. Съ бакштова сорвало гребное судно, на которомъ были три матроса — и помощи нельзя было имъ подать; шлюпъ стало дрейфовать и онъ наскоро снялся и отошелъ; лоцманскую лодку съ 15—ю матросами и офицеромъ сорвало съ якоря и унесло на островъ Тексель; мы спустили на низъ стеньги и реи, все время стрѣляя изъ пушекъ; вода пошла на убыль; командѣ дали передохнуть, роздавъ по сухарю и по чаркѣ.

Настала ночь; буря разыгрывалась; корабль колотило, вокругъ бѣдствующіе англійскіе корабли палили изъ пушекъ, волненіе расходилось. На Ретвизанѣ показалась течь; палубы его отъ ударовъ трещали и грозили провалиться; румпель переломило, руль попортило; барказъ, пришедшій съ вечера на помощь и отданный на бакштovъ, залило и поставило вверхъ килемъ; волна подымала корабль и раступаясь подъ нимъ бросала его на дно моря, съ такимъ стукомъ и трескомъ, что

надо было ждать ему конца. Команда молилась и молча глядѣла на командира: въ такую пору ни отъ кого нельзя ждать спасенія, какъ отъ Бога, да отъ него. Наконецъ, къ довершенію бѣдъ, корабль Америку стало тащить по мелямъ, прямо на насъ: пришлось хоть обняться, да и утопиться.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи капитанъ нашъ, видя что спасенія нѣть, а между тѣмъ корабль временемъ волною вздымаетъ, приказалъ обрубить канатъ и поставить нижніе стаксели. Вѣтеръ забралъ, и корабль, словно на прыжкахъ, отъ одной волны до другой, пошелъ по грядамъ мелей и каменьевъ, потащивъ за собою принайтовленныя, вмѣсто подпоръ, запасныя стеньги и реи! Мачты дрожали, едва можно было устоять на ногахъ, а толстая наружная обшивка, отдираемая каменьями, всплыvalа на вершины валовъ — но корабль былъ спасенъ. На одиннадцати саженяхъ бросили якорь; живо исправились и къ утру готовы были итти въ сраженіе; но утро вечера мудренѣе:

голландцы передумали драться и эскадра ихъ безъ выстрѣла сдалась.